

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Артёма Александровича Трофимова

на тему

«РАЗВИТИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОНСОНАНТНЫХ СОЧЕТАНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ S, В ГРЕКО-АРМЯНО-ИНДОИРАНСКОМ АРЕАЛЕ»

по специальности 10.02.20 – «Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание»

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

В своём исследовании А.А. Трофимов обращается к теме реконструкции индоевропейской фонотактики, а точнее – допустимости определённого вида начальных консонантных сочетаний (кластеров) в одном из диалектных ареалов праиндоевропейского. Рассматриваемая тема в высшей степени актуальна для современной индоевропеистики.

В основе работы лежит методологическая предпосылка о необходимости хронологической стратификации форм, восстанавливаемых обычно для индоевропейского праязыка. Эта предпосылка чрезвычайно важна и на ней следует остановиться подробно.

В индоевропеистике достаточно широко распространён подход, который можно было бы условно назвать «панхроническим». При таком подходе любая форма, не только восстанавливаемая на основании сравнения рефлексов в двух или нескольких ветвях индоевропейских языков, но и «проецируемая» в праязык на основании данных только одной дочерней группы, рассматривается как праиндоевропейская и может служить основанием для выводов общего характера о структуре индоевропейского праязыка. Такой подход мог бы быть теоретически оправдан лишь в одном

случае – если бы распад праиндоевропейского языка на дочерние праязыки был бы мгновенным, причём эти дочерние праязыки сразу и полностью утратили бы контакт друг с другом. Хорошо известно, что на самом деле это не так: это показывает наличие таких явно ареальных изоглосс, как, например, «правило RUKI», достаточно нетривиальное, чтобы не считаться случайным сходством, но при этом работающее в несколько разных условиях в разных ветвях индоевропейского. Поскольку распад индоевропейского, очевидно, был постепенным, и дочерние языки не всегда утрачивали контакт друг с другом, необходима хронологическая и ареальная стратификация праформ, восстанавливаемых на основании сравнения этих дочерних языков.

Как показывает в своём исследовании А.А. Трофимов, такая стратификация вполне возможна, причём она приводит к нетривиальным выводам: диссертанту удалось показать, что языки греко-армяно-арийского диалектного ареала индоевропейского диалектного континуума имеют общие особенности в фонотактике, которые можно рассматривать как инновацию по отношению к праиндоевропейскому. Появление диссертации А.А. Трофимова, таким образом, можно только приветствовать, поскольку она содержит ряд новых результатов, которые являются ценным вкладом в развитие индоевропейского языкознания. Можно надеяться, что дальнейшие исследования в русле хронологической и ареальной стратификации индоевропейских реконструкций дадут дальнейшие нетривиальные результаты и позволят существенно уточнить как реконструкцию собственно праиндоевропейского, так и историю развития дочерних языков.

Нельзя не отметить, что получить существенно новые и при этом подкреплённые реальным материалом результаты в индоевропеистике крайне сложно в силу высокой степени изученности индоевропейских языков в сравнительно-историческом плане. Тем не менее, нам представляется, что диссертанту это удалось. При этом диссертант демонстрирует превосходное

знание новейшей литературы по индоевропеистике и владение методами сравнительно-исторического языкознания.

Следующие далее критические замечания к тексту работы А.А. Трофимова ни в коей мере не умаляют её новаторского характера и значимости многих полученных автором результатов.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и библиографии.

Во введении формулируется содержание исследуемой научной проблемы, ставятся цели и задачи исследования, обосновывается его актуальность и научная новизна, излагаются теоретические и методологические основы исследования, раскрывается его структура. Автор подчёркивает, что, по его мнению, разбор исследуемого вопроса должен быть свободен от того или иного рода дедуктивных положений (с. 7). Поэтому он сознательно отказывается от применения современных фонологических теорий, в частности, теории оптимальности, в рамках которой зачастую обсуждаются проблемы структуры слога и фонотактики в работах современных западных индоевропеистов. С нашей точки зрения, такое решение автора чрезвычайно удачно. Фонологические теории, и, в частности, теория оптимальности, носят объяснительный характер. Не отрицая возможности применения объяснительных теорий к праязыковым реконструкциям, следует заметить, что процедура получения самих этих реконструкций должна быть строго отделена от объяснительных задач теоретической фонологии. Поскольку фонологические теории оперируют фонологическими признаками, при применении их к праязыковым реконструкциям «на входе» должна быть реконструкция вместе с её фонетической и фонологической интерпретацией. Между тем одной и той же реконструкции может быть сопоставлено несколько таких интерпретаций, выбор между которыми делается с помощью синхронной и диахронической типологии. Соображения и возражения типологического характера могут

иметь силу только по отношению к интерпретации, но не к самой реконструкции, если, конечно, эта реконструкция сделана корректно и действительно вытекает из использованных данных.

Введение также содержит краткий историографический обзор.

Некоторым упущением автора является то, что, приводя правило Шиндлера о вокализации сонантов (с. 12), он не упоминает о наличии в праиндоевропейском морфологически обусловленных исключений из этого правила, в частности, таких форм назального презенса, как **jung-*, где в последовательности двух сонантов между согласными, вопреки правилу Шиндлера, вокализуется первый сонант, поскольку назальный инфикс в праиндоевропейском не может подвергаться вокализации.

В первой главе диссертант рассматривает биконсонантные начальные кластеры структуры *Ps (где P – любой глухой смычный; здесь и далее мы пользуемся условными обозначениями автора, специально этого не оговаривая). Эта и последующие главы построены по одной и той же схеме: автор разбирает этимологии, для которых предлагалась реконструкция с определённым типом начального кластера, с целью показать, что такие реконструкции надёжны только для языков греко-армяно-арийского диалектного ареала.

На с. 20 диссертант утверждает, что Р. Бекес в своём этимологическом словаре древнегреческого сомневается в существовании корня **b^hes-* ‘дуть’ в праиндоевропейском «на основании того, что он засвидетельствован в таком виде только в древнеиндийском». Диссертант сомневается в оправданности такого подхода и приводит примеры глагольных корней, сохранившихся в виде основ производных глаголов лишь в одном древнем языке. На самом деле, однако, Бекес ссылается на новый санскритский этимологический словарь М. Майрхофера, где соответствующий корень поставлен в квадратные скобки. В свою очередь Майрхофер, как в старом, так и в новом этимологическом словаре пишет, что приводимая во многих работах по

индоевропеистике форма *babhasti* ‘дует’ на самом деле не существует. Само существование корня *bhas-* в древнеиндийском подтверждается только именными производными, в то время как собственно глагольных форм от этого корня не засвидетельствовано. В связи с этим нельзя не пожалеть о том, что диссертант (с. 19) приводит форму *babhasti* ‘дует’ без каких бы то ни было оговорок со ссылкой на работы Мэллори и Адамса, Покорного и Гамкрелидзе и Иванова. Там же приводится тохарский В глагол *rās-* ‘шептать’. Из работы М. Мальцан (*M. Malzahn, The Tocharian Verbal System, 2010*) можно узнать, что данная форма является гапаксом; при этом нижняя часть акшары *rā* повреждена, что делает чтение несколько гипотетичным.

На стр. 18 диссертант упоминает древнегреческий глагол $\psi\acute{\omega}$ ‘тереть’. На самом деле он значит ‘крошить, *med.* жевать, разжевывать’ (по словарю Дворецкого), ‘*feed on pap, med. chew*’ (по словарю Лидделла-Скотта); цитируемый диссертантом этимологический словарь Бекеса даёт значение ‘*to feed with morsels; to milk, pap; fut. med. to chew up*’

В связи с приведёнными примерами необходимо отметить, что существенным недостатком диссертации А.А. Трофимова, по нашему мнению, является недостаточная филологическая обработанность рассматриваемого в ней материала. Как видно из приведённых выше примеров, использованные в диссертации формы индоевропейских языков не выверялись (или, по крайней мере, не полностью выверялись) по стандартным синхронным и этимологическим словарям. Это представляется тем менее допустимым, что общее количество анализируемых в диссертации корней не так велико. В частности, в первой главе разбираются всего пятнадцать индоевропейских корней.

Анализируя корень **tsel-* ‘красться’, автор приходит к выводу, что «нет необходимости реконструировать начальный кластер **ts-* для праиндоевропейского уровня» (стр. 23). Такой вывод, однако, оставляет без объяснения германские рефлексy, выводимые из праформы **sel-*.

На стр. 27 диссертант утверждает, что «[э]тимологическое родство слов $\chi\epsilon\rho\sigma$ и $\xi\epsilon\rho\acute{o}\nu$ однозначно доказывается их употреблением в одних и тех же контекстах». Употребление слов в одинаковых контекстах может быть одним из аргументов в пользу их родства, но ни в коем случае не доказательством последнего.

На стр. 47-48 автор пишет, что анализируемая славянская форма, давшая рус. *худой*, реконструируется с циркумфлексом и акцентной парадигмой С, и что «[в] этом отношении она напоминает праформу слов, содержащих и.-е. *dh: ср. *rûdъ (а. п. с) 'красный, рыжий' < *(h1)roudh-. В то же время по закону Винтера в подобных случаях закономерен акут. Данная метатония, однако, может объясняться действием правила Мейе...». Весь этот пассаж производит странное впечатление. Как видно из упоминания правила Мейе, диссертанту известно, что слова с балто-славянской подвижной акцентной парадигмой, давшей славянскую акцентную парадигму С, всегда имеют праславянский циркумфлекс, который, таким образом, не имеет ничего общего с балтийским и балто-славянским циркумфлексом, кроме условного названия. Зачем сначала выдвигать очевидно неправильный тезис, чтобы затем сделать правильный вывод с ненужными оговорками («*может* объясняться действием правила Мейе»)?

К существенным достижениям диссертанта следует отнести то, что он убедительно показывает несостоятельность гипотезы А.С. Николаева о том, что глухой придыхательный в греческом может развиваться из сочетания глухого смычного и второго ларингала (стр. 58-61).

Во второй главе разбираются трёхконсонантные начальные кластеры структуры *PsC. Автор полагает, что подобные кластеры были запрещены в праиндоевропейском языке в начале слова. Как известно, наиболее надёжным примером реконструкции такого кластера является слово *psten- 'женская грудь', в котором начальный трёхконсонантный кластер непосредственно подтверждается авестийскими и тохарскими рефлексам.

Для доказательства своего тезиса диссертанту необходимо показать, что этот кластер является независимой инновацией в тохарском и индоиранском. Для этого автор выдвигает гипотезу, что кластер возник на морфемной границе в результате словосложения, а форма *psten- по происхождению является композитом из глагола *peh₃- ‘пить’ и имени *sten- ‘женская грудь’. Такая структура композита – чистый глагольный корень плюс имя, не являющееся ни субъектом, ни прямым объектом глагола (при том, что значение композита совпадает со значением этого имени), выглядит чрезвычайно странной, чтобы не сказать беспрецедентной, для индоевропейского словосложения. Автор не приводит никаких примеров подобных композитов из древних индоевропейских языков.

По мысли диссертанта, решающим аргументом в пользу возможности подобного словосложения являются данные некоторых новоиранских языков, например, сангличского, где форма pēštən (ошибочно процитированная автором, как pēsten) возводится к сочетанию *raja- + *fštana- (автор приводит эти примеры со ссылкой на статью Э. Хэмп), причём диссертант описывает ситуацию следующими словами: «В некоторых иранских языках к индоиранской основе *pstēno- прибавляется корень *rā(y)- ‘пить, поить’» (стр. 83). На самом деле иранское *raja-, к которому восходит первая часть сангличского композита – существительное со значением ‘молоко’, производное от глагола ‘пить’ (см., например, «Этимологический словарь иранских языков» В.С. Расторгуевой и Д.И. Эдельман, т.3, стр. 88-89). Таким образом, новоиранские формы не могут быть типологической поддержкой для предлагаемой автором реконструкции. Соответственно, и тезис диссертанта о невозможности кластеров вида *pst- в индоевропейском анлауте должен считаться ошибочным.

Более того, даже если диссертант был бы прав и кластер *pst- образовался бы в результате словосложения, его всё равно следовало бы реконструировать для праиндоевропейского уровня (по крайней мере, после

отделения анатолийских языков) на основании непосредственного соответствия тохарских и иранских рефлексов. Понимая это, диссертант пишет на стр. 83: «Невозможно сказать определенно, в какой ступени корень $reh_3(i)$ - присоединялся к последующему: в нулевой или в полной с дальнейшим сокращением в композите». По всей видимости, здесь подразумевается, что «сокращение в композите» могло быть независимым в индоиранском и в тохарском, иначе кластер $*pst$ - всё-таки надо было бы восстанавливать для праиндоевропейского. Однако параллельных примеров такого «сокращения в композите» (отличного от индоевропейского аблаута) диссертант не приводит.

Отдельно следует сказать про утверждение автора, что греческое $\sigma\tau\acute{\eta}\nu\iota\omicron\nu$ 'грудь' может восходить только к праформе с начальным $*st$ -, но не к праформе с $*pst$ -. Рассматриваемая форма – гапакс из словаря Гесихия. Это значит, что мы даже не можем быть уверены, что это действительно древнегреческое слово а не, например, македонское или фригийское. Очевидно, что нельзя делать никаких выводов об облике индоевропейской праформы на основании гапакса неясной диалектной принадлежности.

В целом попытку диссертанта объяснить кластер $*pst$ - в слове $*psten$ - как результат сложения с корнем 'пить' следует признать неудачной.

На стр. 111 при обсуждении возможной связи хетт. $kutru\check{c}an$ - 'свидетель' с ИЕ $*k^w et\check{c}or$ - 'четыре' диссертанту следовало бы упомянуть, что хеттское числительное $me(i)u$ - / $me\check{c}au$ - 'четыре' и его когнаты в лувийском не восходят к ИЕ $*k^w et\check{c}or$ -. Из этого может следовать, что форма $*k^w et\check{c}or$ - появилась в праиндоевропейском уже после отделения анатолийских языков.

В третьей главе рассматриваются начальные кластеры структуры $*zB^{(h)}$ - и проблема закона Зибса. Диссертант показывает вторичность крайне редких в индоевропейских языках начальных кластеров вида «z плюс звонкий смычный» и высказывается в поддержку закона Зибса, согласно

которому звонкие и звонкие придыхательные оглушаются после анлаутного *s-. Выводы диссертанта в данной главе, по нашему мнению, совершенно справедливы. Однако он упускает существенный дополнительный аргумент в пользу закона Зибса: то, что в индоевропейских корнях с начальным кластером s- плюс смычный нарушается правило о несовместимости глухих и звонких придыхательных в рамках индоевропейского корня. Очевидно, что такое нарушение является прямым следствием действия закона Зибса: корни вида *sD^hVD^h- перешли в *sT^(h)VD^h-.

В четвёртой главе рассматриваются другие типы начальных кластеров, недопустимых, по мнению диссертанта, в индоевропейском: кластеры структуры *PP- и структуры *TN-. Рассматривая кластеры вида *TK- (так называемые «спиранты Бругманна»), автор приходит к неожиданному выводу о том, что в праиндоевропейском были допустимы подобные кластеры, состоящие из двух звонких придыхательных, но недопустимы аналогичные кластеры, состоящие из двух глухих (невозможность кластеров, состоящих из двух звонких непридыхательных, следует из общих правил структуры индоевропейского корня). Этот вывод основан на том, что соответствующие кластеры со звонкими придыхательными однозначно восстанавливаются для праиндоевропейского уровня, в то время, как кластеры с глухими отражаются в основном в языках греко-армяно-арийского диалектного ареала. Поскольку примеров и на тот, и на другой тип кластеров довольно мало, этот факт в принципе можно было бы рассматривать и как случайность. В пользу этого говорит то соображение, что ни при одной из известных нам интерпретаций индоевропейских смычных такой запрет не выглядит типологически правдоподобным.

В той же главе автор рассматривает проблему нулевой степени от корней вида *PeP- и так называемого *schwa secundum*. Диссертант приходит к выводу, что нулевая степень от таких корней в середине слова была возможна уже в праиндоевропейском, но в начале слова она ограничена

греко-иранским диалектным ареалом. При этом на месте ожидаемой нулевой ступени в части случаев выступают рефлексы с *schwa secundum*, а в части – полная ступень. Не до конца понятно, как автор представляет себе распределение между этими случаями в праиндоевропейском. Формы с полной ступенью могут рассматриваться, как аналогические; в таком случае первоначально в нулевой ступени такие корни имели *schwa secundum*. Диссертант, однако, ссылается на работу Б. Вайна, в которой показано, что вставное *i* в греческом, традиционно считающееся рефлексом *schwa secundum*, является результатом эпентезы, произошедшей уже в истории собственно греческого языка после некоторых свойственных только ему морфологических выравниваний. В связи с этим постулат диссертанта о возможности *schwa secundum* уже в праиндоевропейском оказывается под сомнением.

Автор также утверждает, что в праиндоевропейском были недопустимы кластеры вида «дентальный смычный + носовой». Нельзя не отметить изящное решение диссертанта, объясняющего «акростатический» родительный падеж **dems* от слова ‘дом’ тем, что форма ***dmes* была фонотактически невозможна в праиндоевропейском. Идею автора можно поддержать наблюдением, что форма **dems* могла возникнуть в индоевропейском только после действия закона Семереньи.

Заключение к работе адекватно отражает основные выводы, к которым пришёл диссертант, и обобщает достигнутые им результаты.

Можно отметить отдельные формальные недостатки и огрехи в оформлении работы А.А. Трофимова. Так, на с. 8 содержится ссылка на работу [САЛ 2009], которая не отражена в библиографии. На с. 9 автор употребляет арабские цифры для обозначения столетий («в 19 веке»), когда следовало употребить римские («в XIX веке»). В работе есть отдельные опечатки, например, на с. 21 – «индоевропейских»; на стр. 86 галльская форма *Ardasina* приведена с сокращением «Валл.», т.е. «валлийский»; на стр.

105 в литовском слове лит. sviestas 'масло', неправильно поставлен знак акута (должно быть sviestas).

Диссертация А.А. Трофимова, выполненная под руководством кандидата филологических наук, доцента В.К. Казаряна, является законченной научно-квалификационной работой. Полученные автором выводы могут быть использованы для составления этимологических словарей отдельных индоевропейских языков и включены в учебные курсы по сравнительно-историческому и типологическому языкознанию. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации. Диссертация соответствует п. 9, 10 Положения о присуждении учёных степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержатся решения задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний – специальности 10.02.20 (сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание).

Официальный оппонент

М.А. Живлов

кандидат филологических наук,

старший преподаватель РГГУ

31 марта 2015

Михаил Александрович Живлов

105064, Москва, Земляной Вал, д. 42 / 20, кв. 11

e-mail zhivlov@yandex.ru

дом. тел. 8-495-917-80-04, моб. тел. 8-926-705-81-37

Сведения об оппоненте

Михаил Александрович Живлов

кандидат филологических наук, старший преподаватель РГГУ

105064, Москва, Земляной Вал, д. 42 / 20, кв. 11

e-mail zhivlov@yandex.ru

дом. тел. 8-495-917-80-04, моб. тел. 8-926-705-81-37

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Почтовый адрес: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6

Телефон: 8 (495) 250-61-18

Факс: 8 (499) 250-51-09

e-mail: rsuh@rsuh.ru, сайт: <http://www.rsuh.ru>

Публикации

Живлов М.А. К вопросу о критериях оценки этимологических работ // Вопросы языкового родства (Вестник РГГУ), No. 7 (2012). С. 136–152

Живлов М.А. Рецензия на: F. Kortlandt “Studies in Germanic, Indo-European and Indo-Uralic” // Вопросы языкознания, 2012/4: 131-134.

Живлов М.А. Андроновский арийский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. М.: Academia, 2013. С. 217-220.

Zhivlov M. Studies in Uralic Vocalism III // Вопросы языкового родства (Вестник РГГУ), No. 12 (2014). P. 113–148.